

Вечный романтик

Вспоминая Николая Гоголева

Николая Сергеевича Гоголева теперь часто называют «последним рыбинским романтиком». И соглашусь, и не соглашусь с этим. Соглашусь в том, что он действительно был романтическим поэтом и жил в Рыбинске. А не соглашусь...

Во-первых, с определением «последний». Пока живёт этот мир, никто не может быть в нём последним — точнее, мы уж точно не можем знать, последний ли кто-то из нас. И едва ли сам Николай Сергеевич, при его-то удивительном оптимизме, хотел бы думать, что после его ухода в этом городе не останется больше ни одного романтика.

Во-вторых, по большому счету, и романтизм его родом вовсе не из Рыбинска, а скорее — из той поэтической вечности, которая навсегда оставлена в наследство одиноким, потерянным в веках странникам, и теперь сквозит и дышит где хочет. В этой вечности живут голоса Франсуа Вийона, Льюиса Кэрролла, Николая Гумилёва, Александра Блока, Осипа Мандельштама, Владимира Высоцкого и ещё многие-многие другие голоса, которые так отчётливо различал поэт из Рыбинска Николай Гоголев. Вся его жизнь была пропитана той самой «тоской по мировой культуре», о которой вдохновенно говорил когда-то Мандельштам. Поэзия стала — а может быть, и всегда была — его духовной родиной, не имеющей особого отношения ни к географической, ни к любой другой реальности. Хотя и реальность, конечно, он видел и что-то в ней, бесспорно, ценил и любил. Но он никогда не был от неё зависим, он был от неё почти свободен... И однажды освободился совсем. Прервалась тонкая нить связи с земной жизнью — и вот теперь он в незримом мире. Он теперь — часть той самой вечности, которой жил и здесь, на земле. А мы остались без него.

И прошло с тех пор уже целых два года... С тех пор, как вместо тепло-го, живого, смеющегося голоса Николая Сергеевича в телефонной трубке я услышала горькое, леденящее: «Гоголев умер...» Это случилось 7 апреля 2011 года, он ушёл из жизни от инсульта в своей квартире в Рыбинске. В то, что Николая Сергеевича больше нет среди живых, не просто тяжело, а почти невозможно было поверить. Не только потому, что так больно знать о невозможности новой встречи с ним на земле. Но и потому, что он всегда

был для нас воплощением самой живой жизни, торжествующей над смертью, неподвластной ей.

Последнее время своей жизни Николай Сергеевич провёл в уединении, в старинной усадьбе Артемьево, и как будто пропал там бесследно, как будто всем только приснился, как будто и сам был гостем из далёких эпох.

Близким, друзьям и знакомым очень сильно не хватало его, они надеялись встретиться с ним или хоть что-нибудь о нём услышать... Но пришло известие о его смерти. И все мы горько осознали, что уже ничего не вернуть. Остались только воспоминания и стихи.

* * *

Родился Николай Гоголев в 1948 году в Рыбинске. После окончания школы учился в РАТИ. Его друзья и однокурсники, один из которых — рыбинский писатель Владимир Смирнов, вспоминают его как человека-легенду, который всегда поражал окружающих своей внутренней свободой в такой строгой, несвободной действительности. Вместо лекций он мог пойти на новый фильм с участием Высоцкого и увести за собой всю группу, вместо подготовки к экзаменам — запоем читать стихи, и при этом он с необыкновенной легкостью сдавал зачёты и экзамены — пусть чуть позднее срока, но сдавал, в свою очередь, снова удивляя и впечатляя однокурсников.

Кроме поэтических сборников «Белый принц», «Три корабля» и стихотворных переводов, например, «Охоты на Снарка» Льюиса Кэрролла, Николай Гоголев — автор двух прозаических книг: «Улыбка в ночи» и «Бриллиантовый дуплет». Его стихи публиковались в периодических изданиях Рыбинска и Ярославской области, в коллективных сборниках и альманахах. В начале 1998 года он был принят в Союз российских писателей. Проводил замечательные литературно-музыкальные вечера памяти Владимира Высоцкого, собирал дружеские поэтические компании в день рождения Николая Гумилёва, участвовал в издании рыбинской литературной страницы и воплощал в жизнь множество разных оригинальных идей.

Но, наверное, биографическая справка не в состоянии передать его внутренней жизни, его неповторимого человеческого обаяния и той воздушной, светлой радости, которая оставалась надолго после встречи и разговора с ним.

Евгений Ермолин точно характеризует его в рецензии на книгу «Улыбка в ночи»: «Автор — человек замечательный: живой, открытый миру, простой (но не простоватый). Он опытен, но его опыт не разочаровал нашего автора в жизни и людях. Только научил смотреть на мир с улыбкой. Весёлой, грустной, иронической, приятной, нежной. Улыбкой в ночи». Действительно, Николай Сергеевич никогда не жаловался и не сетовал на несправедливость жизни, а улыбался, иногда иронично, иногда чуть печально, над своими жизненными неудачами и невзгодами.

Вдруг вспомнился один из таких разговоров, когда он позвонил перед Новым годом поздравить меня. А год был на редкость неудачный... Николай Сергеевич спросил: «Наденька, я надеюсь, ты не расстраиваешься из-за этой фигни, которая недавно произошла?» И голос его прозвучал так, что мне мгновенно представилась его добрая улыбка. Я улыбку в ответ: «Простите, Николай Сергеевич, но не могли бы вы уточнить, из-за какой именно фигни?» — И мы вместе весело рассмеялись, и причины огорчений показались уже вовсе не важными и совсем не страшными...

«Николай Гоголев был самобытным и свободным человеком и поэтом, — вспоминает его друг, поэт Леонид Советников, — жил свободно, а ушёл из жизни незаметно. Свободный — одно из самых значимых его определений. В прежнюю эпоху это было скорее исключением из правил. Галича в 82-м слушал. Не диссидент. Но оригинал и свободная личность».

Он, переживший много испытаний и трудностей, всегда оставался удивительно юным душой, и поэтому ему легко было общаться и дружить с молодыми поэтами, и не только передавать им свой опыт, но и вместе с ними беззаботно, светло радоваться жизни, весне, музыке, новым и вечным стихам...

Именно такой была долгая дружба Николая Сергеевича с Ольгой Коробковой, поэтом, автором и исполнителем песен. Вот её слова:

«Трудно выбрать главное, говоря о Гоголеве. Столько было встреч, разговоров, музыки, стихов... Мы по-настоящему дружили, несмотря на большую разницу в возрасте и в жизненном опыте. Отношения с ним я вспоминаю как одни из самых тёплых, какие вообще существовали в моей жизни. Сколько было пересечений, общих пристрастий...

Кстати, из этой серии — и наш с ним обычай: отмечать день рождения Николая Гумилёва. 15 апреля, разгар весны, головокружение... посиделки в его квартире, в компании его двух собак, чтение... Несколько лет подряд, помню, мы свято соблюдали традицию. Даже когда дороги разошлись — надежда на новые встречи ведь оставалась. И особенно я скучала по Николаю Сергеевичу, когда мне пришлось вернуться обратно в Рыбинск, весной, в апреле. Встретиться, поговорить... Я звонила на номер, который мне дали, но абонент, увы, был недоступен. Если бы только «временно»...

В самом деле, грела душу надежда на встречу. Теперь встречи на земле не случится... Он был удивительным человеком. В более чем полувековом возрасте — ни грамма закоснелости, окостенелости; на редкость гибкое мышление, реактивность, замечательное чувство юмора и... романтизм, так и не изжитый, не прожитый до конца... В его стихах, что называется, «неприглаженных», но ярких, из каждой строчки слышится его живой голос и глядят его блестящие, подвижные глаза. Впрочем, в прозе — то же самое. Это симптом... Вспоминается Франсуа Вийон, которого он очень любил...»

Я познакомилась с Николаем Сергеевичем, когда мне не исполнилось ещё и 14 лет. Николай Гоголев был одним из первых живых и настоящих поэтов, с кем мне довелось встретиться в своей тогда совсем ещё коротенькой жизни, наяву, а не только на книжных страницах.

Он автор компьютерной вёрстки и послесловия к моему первому сборнику «Терновый сад». Благодаря ему я впервые увидела город Мышкин и окрестные деревни. В тех краях — малая родина моего деда по отцовской линии, но сама я там никогда не была, до тех пор пока Николай Сергеевич не позвал меня на Опочининские чтения летом 1999 года. Побывав на чтениях и на праздновании Дня города, увидев уютный маленький Мышкин, тихий и оживлённый, с его тенистыми улочками и улыбчивыми жителями, я сохранила эти воспоминания как светлый и радостный подарок судьбы.

Студент четвёртого курса РАТИ Николай Гоголев на сельхозработках. Из архива В. Смирнова

Остановились мы тогда в той самой усадьбе Артемьево, в которой поселился со своей семьёй троюродный брат Николая Сергеевича — Александр Иванович Бирюков. В то время Гоголев ещё жил в Рыбинске, но приезжал в усадьбу к родным на лето, а со временем принял решение перебраться туда совсем. Помню вдохновенную радость, с которой рассказывал Николай Сергеевич об усадьбе: об её чистой уединённой красоте и тишине, о широком пруде, в котором так хорошо купаться, о лошадях и собаках, деревьях и цветах, о траве в росе. О старинном доме с богатой и сложной историей, в котором оживает таинственная атмосфера дворянской жизни... Конечно же, мне очень захотелось всё это увидеть после его красочного рассказа. И это путешествие стало одним из самых ярких воспоминаний моей ранней юности. Николаю Сергеевичу очень шла вся окружающая обстановка, он как будто нашёл себя в ней — и, видимо, оставаться в городе уже не видел смысла.

* * *

При всём огромном культурном опыте, при непостижимом порой многообразии культурных ассоциаций, аллюзий и реминисценций из мировой истории, мифологии, литературы — он всегда остаётся собой и выбирает свой неповторимый путь.

Мотив пути, дороги, скитания имеет очень большое значение в его творчестве. Один из любимых образов поэта — Тиль Уленшпигель, о котором говорится в одноимённом стихотворении:

*Вот он, вот он — бродяга,
Не скопивший за вечную жизнь
Ничего.
Только фляга
И шпага
На боку у него.*

Но на этом одиноком пути у поэта всегда есть собеседники. Вслед за Николаем Гумилёвым он часто избирает художественную форму диалога с другими эпохами, с легендарными героями и, конечно, с любимыми поэтами. Этот диалог почти всегда конкретен, в нём поэт открыт одновременно и настоящему, и той ушедшей эпохе, которая оживает в его стихах. В качестве примера приведём строки из стихотворения «Белый воин»:

*Ты воскликнешь: «Как вьюга гуляет над Волгой!»
Я скажу: «Не простой это вихрь —
На коне белоснежном промчался Георгий
В белоснежных доспехах своих».*

А вот — начало стихотворения «Хафиз»:

*Под копьями, направленными в спину,
Пришёл Хафиз к хромому властелину.
Был взгляд Тимура тяжелей меча,
Застывшего в руках у палача.*

Из стихотворения «Наталья Гончарова», посвящённого известной художнице XX века:

*Значит так: Париж. Год — девятьсот сорок пять.
Над лицом скуластым волосы, как нимб.
Хладнокровна, ну а сердце — чуть не выскочит:
Этот город для художников — Олимп!*

Романтические поэты так часто обращались к опыту других эпох, не находя в настоящем того, чего ищет и ждёт мятежная душа. Это было свойственно и Лермонтову, и Байрону с Шел-

ли, и многим романтическим поэтам XX века. У другого нашего земляка, поэта Константина Васильева, тоже есть много стихотворений, в которых возникает культурный диалог с прошлыми эпохами, но в них мы видим больше сосредоточенности на внутреннем мире, тогда как в поэзии Гоголева — больше обращённости к конкретным историческим реалиям и деталям, больше историзма как такового, меньше символов и философских интерпретаций, больше эпоса.

Ещё одна из наиболее важных и любимых тем в творчестве Гоголева — это тема свободы. В стихотворении «Великая французская» звучит извечная проблема свободы как гражданского и политического идеала, вдохновившего самых первых романтиков:

*Край века — время перемен.
Кровь хлещет на траву.
Восславлен доктор Гильотен
за «красную вдову».
<...>*

*Такие странные дела:
в любые времена
свободе, чтоб не умерла,
людская смерть нужна.*

*Должно быть, через много лет
свобода, как сказал поэт,
придёт, обнажена...
Но тем, кто тщетно ждал рассвет,
она уж не нужна.*

Горький итог последнего четверостишия не отменяет значимости свободы, а подтверждает трагичность земной жизни и борьбы за жизнь в мире, где неизбежна смерть. Цена свободы и цена жизни, таким образом, становятся равнозначны.

Но жизнь, как бы она ни была трагична, всё-таки прекрасна, и страх смерти не должен побеждать саму жизнь:

*Но кони рвались вперёд, как птицы,
Нам избежать ли всеобщих бед?
Кавалергардам Аустерлица
Да будет вечно по двадцать лет!
Так раскрывай, смерть, свои объятия,
Одна на всех ты, но так нежна.
Земных подруг пусть долюбят братья —
Кавалергарды Бородина.*

Внутренняя свобода не оставляет лирического героя, она всегда с ним. Свобода совершать подвиги и ошибки, любить и страдать, постигать вечность и радоваться мгновениям счастья на земле.

Тема любви в творчестве Николая Гоголева раскрывается с той же многогранностью, которая отличает всю его личность. В его поэтическом мире есть разные лики любви: и нежное

Н. С. Гоголев в последние годы жизни

родство душ, и роковая страсть, и вечный поиск идеала, родственный, опять же, лирике Гумилёва:

*Я — одно крыло, ты — другое,
Значит, вместе мы сможем летать.*

Или так:

*Губы милые целую, опьянён.
Я запутался среди иных времён.
Облеку, воспеть рискуя,
Губы милой — мой канон и мой закон!*

И одиночество как печальный закон жизни романтического поэта, которое слишком часто оказывается непобедимым, даже самой сильной любовью:

*Белый Принц — у него своя вера и жизнь с ней в согласье.
Верит он, что крепка паутинки рюноскоковой нить.
Белый Принц никогда и ни с кем не мечтает о счастье,
Знает он: за него слишком дорого надо платить.*

Но это вовсе не означает, что мечта о родной душе, верной и любящей, несбыточна и напрасна. Романтический герой не может представить своей жизни без любви:

*Из речного песка свои строки я строю,
Постоянства в нём нет даже и в мелочах:
То темнеет песок под внезапной волною,
То светлеет на солнце в дрожащих лучах.
Мир изменчив — и ты, что была далека,
Стала близкой, настал добрый час...
Эти волосы цвета речного песка
Над волною нахлынувших глаз.
<...>
То прилив, то отлив, то мерцанья, то тени.
Вот мой берег, как нужен я здесь.
Ты над выплывшим мною стоишь на коленях,
Улыбаясь тому, что я есть.
Я гляжу на тебя, не могу наглядеться.
Неужели держать скоро путь мне опять
На маяк, где горит твоё верное сердце,
За ревуцим прибором свой берег искать?*

Художественное мировоззрение Гоголева ближе к романтизму поэтов Серебряного века, насыщенному аллюзиями и ассоциациями, не чуждому игры в пространстве интертекста. Но ощущение лёгкости бытия, присущее лирическому герою Гоголева, его оптимизм, готовность переменить жизнь, без сомнений броситься навстречу увлекательным приключениям — всё это не отменяет философской глубины, тонкости и ранимости, незащитности перед окружающим миром. Его герой всегда искренен и открыт, он никогда не заменяет настоящую, сложную жизнь легкомысленной и весёлой игрою. Он вполне осознаёт всю единственность, серьёзность и трагичность жизни, но от отчаяния и боли его спасает улыбка.

Таким же лёгким — и в то же время непостижимо сложным, печально-светлым даром, как сама жизнь, является для Николая Гоголева и поэзия. Вот стихотворение «Поэзия», в котором образ Лермонтова, соединившего так рано свою жизнь с вечностью, предстаёт живым романтическим символом поэзии:

*Тысячелетний стихотворный пласт —
И белого листа немая плаха.
Поэзия — немыслимый контраст,
Как Лермонтова красная рубаха.
Кристаллами застывшие слова
Не сделают пленительней химеру.
Поэзия ошибками права,
Как глупость — стать к дуэльному барьеру.
Нежданною является строка,
Но в ожидании — прошла эпоха.
Поэзия — она всегда легка,
Как три последних лермонтовских вздоха.*

Как все настоящие поэты, Гоголев умел предчувствовать и предсказывать будущее. Вот одно из таких пророческих стихотворений:

*Когда мне будет столько лет,
Что я уеду жить в деревню,
Мне вдруг привидится просвет
Среди поваленных деревьев.
В подлунном мире буду я
Надёжно всеми позабытым,
И быта гнёт, и бытия
Презрю. Отстану от событий.
В джинсовый облачён стихарь,
При деле, как в пустыне страус,
В страну далёкого стиха
Вернусь. И навсегда останусь.*

Навсегда останется он и в нашей памяти.

Леонид Советников стал составителем и редактором посмертного собрания сочинений Гоголева «Избранное. Стихотворения. Новеллы», в который вошли лучшие произведения из всех небольших сборников, изданных при жизни поэта. В основном это были тонкие самодельные книжки, которые распространялись в узком кругу друзей и близких. И теперь, со страниц новой книги, нам тихо светит бессмертная и юная улыбка поэта — вечного романтика, оставившего этот мир за пределами своего горизонта.

Надежда ПАПОРКОВА